

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года...
А. Ахматова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Должно быть, и о блокаде нашего города мы знаем далеко не все. Но о том, что происходило в годы войны за пределами блокадного кольца — в Пушкине и Павловске, Петергофе и Гатчине, Луге и Тосно, — еще меньше.

Уже через две недели после начала войны гитлеровские войска вторглись на территорию Ленинградской области. На месяц их остановили у реки Воронки за Ораниенбаумом, на полтора — под Лугой. После падения Лужского рубежа немцы неудержимой лавиной хлынули к Ленинграду.

Железнодорожное сообщение с Ленинградом прервалось, и кое-кто из местных жителей, встревоженных бомбежками и близкой стрельбой, на свой страх и риск, пешком ушел в город. Не имея прописки и продовольственных карточек, эти люди первыми в Ленинграде погибли от голода. А по деревенским улицам потянулись нескончаемые вереницы беженцев из западных и южных районов, гурты скота, разрозненные группы красноармейцев...

Солдаты сорок первого года долгое время не могли отделаться от чувства вины перед населением, брошенным на произвол судьбы.

«Когда мы уходили, — вспоминал ветеран 11-й дивизии С. Х. Павлов, — по обе стороны дороги стояли старики, женщины, дети. Они с грустью и упреком смотрели на нас. А мы, молодые, хоть голодные и измученные, но с оружием, отступали, оставляя их врагу. Было больно и стыдно, очень стыдно смотреть этим людям в глаза».

Зачастую войска покидали населенные пункты задолго до появления оккупантов. Жители уходили в леса, а деревни сжигались*. Так в большом красивом селе Финёв Луг близ станции Рогавка из 126 домов уцелело 6.

«Свои же и жгли, — говорит 90-летняя жительница Л. Е. Борисова, — чтобы немцам не досталось. Мы в лесу прятались. Немцы с самолетов листовки бросали, приказывали домой возвращаться. А домов-то и нет... Ничего не осталось — ни в руки взять, ни на ноги обуть. Набились в уцелевшие избы, землянки со- орудили. Есть нечего — ведь и житницы сгорели...»

О том, что будет с людьми, никто не думал. Еще меньше это беспокоило оккупантов. Гитлер планировал колонизировать Россию, заполнить ее германским населением, а с коренными жителями советовал обращаться, «как с краснокожими».

И в одночасье, с того самого момента, когда в деревню или город входили, въезжали на своих машинах, велосипедах, мотоциклах завоеватели, у людей рушился привычный мир. Кажется, только вчера праздновали 1 Мая, отправляли детей в пионерские лагеря, сажали картошку и ходили по выходным в кино. И вот уже ничего, ровным счетом ничего не осталось от прежней жизни.

Два месяца войны многое изменили в сознании жителей области. Ушли на фронт мужья и братья, исчезли продукты из магазинов, и все понимали, что придется много работать, скудно есть, жить ожиданием и надеждой. Но то, что произошло, не снилось даже в самых страшных снах. Жутко было выйти из дома и увидеть виселицу с повешенным соседом; самоуверенных оккупантов,

* 17.11.41 г. за подписью И. В. Сталина и Б. М. Шапошникова вышел приказ № 0428, требующий от каждого армейского командира «разрушать и сжигать населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20—60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог.

<...> При вынужденном отходе наших частей уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать».

по-хозяйски распоряжавшихся на улицах — срывавших привычные вывески, вывешивавших безапелляционные приказы: «Явиться в комендатуру для регистрации!», «Не выходить из домов после 17 часов!», «Сообщать о коммунистах и евреях!»

Не подчиняться? Но ведь повесят, оставят сиротами детей... И послушно шли регистрироваться, сдавать велосипеды, нашивали на одежду ненавистные желтые звезды...

Кое-кто, в надежде найти место под поблекшим солнцем, шел на службу к завоевателям — в управу, полицию, без всякого принуждения доносил на соседей-евреев, коммунистов, сельсоветчиков.

Десятерых сестер Смирновых знали в Слудцах очень хорошо: три поколения этой семьи выросли в деревне. Сестры повыходили замуж, нарожали детей — девять от своих, местных мужиков, а последняя, Мария, отыскала себе в Ленинграде еврея-коммуниста, да еще и венгерского. Сразу нашлись доброхоты, просветившие о том новые власти. Комендант — ветеран Первой мировой войны — оказался человечнее односельчан. Вызвал к себе Марию и сказал: «Ваши люди вас выдали. Я ничем не смогу вам помочь. Забирайте детей и уходите!»

Никто, кажется, не требовал от колхозника Алексеева из д. Малые Березницы признания, чем занимался до войны его двоюродный брат. А вот, поди ж ты, побежал докладывать в управу, что пребывающий на фронте Василий — бывший сельсоветчик, а жена его и дочка как есть «красныши». Подобное определение удивляло даже немцев, не считавших мобилизованных в Красную Армию преступниками.

В войну внешняя лояльность к прежней власти не помешала людям-флюгерам, не имеющим принципов, холуйски служить новому режиму.

Работал до войны в Тосненском райисполкоме фининспектор, уважаемый соседями за образованность и рассудительность. Направленный районными властями в партизанский отряд, Ф. пробыл там недолго: отряд распался, и он вернулся домой. А в это время немецкий офицер, вставший у соседей на постой, попросил хозяйку постирать ему белье. Соседка испугалась, пришла за советом к Ф.: «Как быть?» Тот отвечал: «Это опасно, вернутся наши — тебе не поздоровится. Отдай мне белье, я спрячу». Получив узелок, Ф. направился с ним в комендатуру и сказал, что соседи убили офицера и он принес его вещи. Долго не раздумывая, немцы расстреляли соседа. Вернувшийся постоялец застал плачущую жену и, узнав в чем дело, сообщил в комендатуру. Ф. повесили за клевету.

Оккупационный режим на подлежащей захвату территории Советского Союза был разработан начальником штаба вооруженных сил Германии Кейтелем еще в марте 1941 г. Основными средствами режима Кейтель считал массовый террор, лишение населения всех политических прав и получение всевозможного сырья для германской промышленности. Захваченная территория разделялась на военную зону, находившуюся под властью командных инстанций вермахта, и тыловую, относившуюся к министерству по делам восточных областей.

Особенно трудно пришлось жителям прифронтовой полосы. «Мы жили, можно сказать, на самой линии фронта, — пишет С. А. Денисова из Киришей. — Кругом свистели пули, рвались снаряды и мины. Было очень страшно. Наш дом сгорел, мы скитались по углам, просили милостыню, искали убитых лошадей, чтобы прокормиться».

По всем дорогам, идущим от фронта, брели, спасаясь от бомбежек и обстрелов, неприкаянные жители с детьми и котомками. Немцы сгоняли их в концентрационные лагеря, появившиеся на территории области с осени 1941 года.

Тосно, Дивенская, Гатчина, Тайцы... Прекрасные ленинградские пригороды! Но для людей, заключенных за колючую проволоку, голодающих, избиваемых, падающих замертво на непосильной работе, эти места стали адом.

Лагерь в Дивенской был устроен в двухэтажном деревянном доме — бывшем пионерском лагере 75-го строительства. Часовые с автоматами у ворот, на вышках по углам двора. Нары в два яруса, смрад, клопы, вши. Вспоминает бывшая узница «Дивенки» А. В. Самуйлова: «По утрам нас выстраивали во дворе. У каждого на груди — фанерка с номером. Комендант по прозвищу Папа Рыжий — толстый верзила с засученными рукавами — свирепо оглядывал невольников. Возле его ног возвышалась куча палок. Высмотрит Рыжий жертву, поманит пальцем и колотит до тех пор, пока с десятка палок не сломает. Изби- того унесут в сарай, остальных погонят на работу...»

Лагерь на окраине Тосно располагался в бывших совхозных свинарниках. Та же проволока, часовые, нары в холодных бараках. По утрам узники получали пайку хлеба и отправлялись на лесозаготовки. Вечером выдавали по мерке баланды. «Единственным подспорьем была требуха, выбрасываемая с бойни, — вспоминала Е. А. Шитикова. — С риском для жизни мы пробирались под проволокой и приносили отходы в барак».

Единственной виной узников этих лагерей была их бездомность. Но и жившим «на воле», в подвалах и сараях людям приходилось несладко. Кормить население оккупированных районов гитлеровское командование не собиралось. Немецкая экономическая инспекция, располагавшаяся в Пскове, санкционировала изъятие продуктов у населения. Командир каждой части, расквартированной в населенном пункте, обязывал старосту сдавать определенное количество хлеба, скота, птицы, картофеля.

«Когда пришли немцы, — рассказывает жительница пос. Дружная Горка К. Н. Филиппова, — в доме оставался лишь стакан манки. Скоро есть стало совершенно нечего. Мы с женщинами ходили в деревни за Лугу менять вещи. Последние рубашки продали, ничего не осталось. Даже гребенку с головы я отдала за кусок хлеба...»

На всей оккупированной территории была введена обязательная трудовая повинность, к которой привлекались жители с 14 до 65 лет. Население строило и ремонтировало дороги, валило лес и добывало торф для нужд немецкой армии. Работали с раннего утра дотемна, получая за свой труд по 200 граммов суррогатного хлеба и пол-литра баланды.

Еще плачевнее было положение военнопленных. В Котлах и Сланцах, Луге и Гатчине, Выре и Лисине мучились и погибали тысячи наших солдат (по данным ЦГА*, в лагерях военнопленных Ленобласти погибли 142 953 человека). И как ни трудно приходилось местным жителям, они не могли безучастно смотреть на живые скелеты за проволокой, с мольбой глядевшие на них голодными глазами. Е. К. Корчагина из Тосно вспоминала: «В бывшем овощехранилище вблизи нынешнего пешеходного моста находился лагерь русских военнопленных. Там, за высоким забором из колючей проволоки, содержались до предела истощенные люди. Общаться с ними запрещалось. Но однажды мне все же удалось бросить им хлеб, чему они были несказанно рады. Пришла с работы без хлеба и сказала детям, что отдала его пленным, потому что в лагере у них не осталось ни травинки. Дети со мной согласились».

Не меньше чем голод людей мучила неизвестность. Где фронт? Держатся ли Ленинград и Москва? Радио ни у кого нет — приемники отобрали еще в начале войны. Газеты? Они вдруг стали выходить и при немцах. Вот «Правда», совсем как настоящая. Тот же размер, тот же шрифт. Но что это? Вместо привычного

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — фашистский призыв «Бей жидов и коммунистов!». О чем же все-таки пишут? О своих победах, понятно. О том, что взят Орел, Курск, Харьков... Брежут? Вряд ли: докатились же до наших мест, катятся и дальше. Становилось жутко: неужели конец?

А как верили они в Красную Армию, в сталинских соколов и ворошиловских стрелков! Но падали в бою подбитые соколы, и не защитили стрелки...

* Центральный государственный архив по СПб. и Ленинградской области.

И где теперь их Иваны, Михаилы, Григории? Бредут ли еще по пыльным до-рогам или глядят в небо мертвыми глазами из придорожных канав?

«Матерь Божья, заступница наша, спаси и помилуй!» — молились, как умели, темными ночами в деревнях и поселках. Вспоминали полузабытые молитвы, стояли на коленях перед

потускневшими иконами, умоляя сберечь на войне мужа, оставить живыми детей... Вдруг спохватились: «Господи, а ребята-то не- крещеные! Поможет ли таким Бог?»

Бежали к соседям, допытывались, где отыскать батюшку, как окрестить де- тей. Готовы были идти к храму за тридевять земель, чтобы помолиться как поло- жено. Оказалось, что за все безбожные послереволюционные годы вера в народе не умерла.

Церковь пришла к людям сама. Православные пастыри считали своим дол- гом помочь страдающему народу. Представитель Московской патриархии в Риге митрополит Сергей (Воскресенский) добился от оккупационных властей разре- шения на организацию Псковской православной миссии. Псков стал центром возрождения православия на северо-западе России. Ведь к началу войны во всем обширном крае, от Опочки до Сиверской, существовало лишь несколько полу- разрушенных храмов, где служили два-три священника. Митрополит направил в оккупированные районы Ленинградской области 15 священников. Одним из них был протоиерей Алексей Ионов, который свидетельствует об этом так:

«К чести нашего духовенства никто не отказался от участия в миссии, от цер- ковной работы в тех местах, где годами не звучало слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь про себя, сокровенно. Со стороны немец- ких властей никаких инструкций специального или специфического характера миссия не получала. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, вряд ли наша миссия состоялась бы. Что немцы — зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям жизненного пространства нашей Родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующе- му народу, нашим братьям по вере и крови — вот что наполняло наши сердца». («Санкт-Петербургские епархиальные ведомости». Выпуск 26–27, 2002 г.)

До Новгородской епархии псковские миссионеры не доходили. Здесь, на близ- кой к фронту территории, возрождение церкви происходило стихийно. Всюду, где сохранились храмы, отрывали доски от заколоченных дверей, всем миром делали ремонт, собирали по домам иконы и церковную утварь.

Издаваемая в Словакии газета «Православная Русь» писала в начале 1942 года:

«Мы обращаем внимание наших читателей на красоту и высоту подвига про- стых новгородских обывателей и крестьян, которые во время страшной войны, когда разрушены их жилища, убиты или угнаны их родные, жертвенно трудят- ся над восстановлением родных святынь. Воистину жив народ наш!»

Новгород был взят немцами 19 августа 1941 года. И уже 20-го протоиерей Василий Николаевский возобновил службы в соборе Михаила Архангела. Отец Василий освящал сельские храмы, назначал на приходы священнослужителей, высланных советской властью за 101-й километр от Ленинграда. За два года без всякой поддержки извне на Новгородчине было восстановлено и освящено 79 храмов. Архимандрит Сергей (Андреев), иеромонах Варсонофий (Кузьмин), протоиереи Николай Светлов и Павел Чесноков с разрешения властей начали служить в восстановленных храмах.

И зазвучало в них слово Божие, даруя обездоленным людям утешение и на- дежду.

...Спаси, Господи, люди Твоя И
благослови достояние Твое, Победы
православным христианам Над
супротивные даруя
И Твое сохраняя крестом Твоим жительство...

Не прибавилось у прихожан хлеба и не уменьшилось работы, но не так страш- но стало жить на белом свете и прибавилось уверенности, что прогонят в конце концов супостатов, и вернутся домой мужья, и выживут дети. До сих пор пом- нят люди отца Дмитрия из с. Видони, собственноручно мастерившего детские гробики и отпевавшего умерших ребят; преподобного Серафима Вырицкого, ис- тово молившегося за каждого из них; протоиерея Федора Забелина из Гатчины, призывавшего их к вере и терпению, и многих других.

Хотя Псковская миссия и не получила от немецкого командования особых инструкций, на местах все выглядело иначе.

Жительница деревни Пельгора А. Н. Артемьева вспоминала: «В Пельгоре была прекрасная церковь. Немцы привезли откуда-то православного священника, и все стали ходить в церковь молиться. Приходили и немцы. Когда священник провозглашал «многая Лета Гитлеру», мы должны были креститься. Немцы следили за нами, и мы крестились, про себя моля Бога о нашей победе да чтобы нам выжить».

Отношения с партизанами также складывались непросто.

Действительно, некоторые руководители партизанских отрядов — партийные и советские работники, воспитанные в духе атеизма, не сразу увидели в священниках потенциальных союзников.

Само партизанское движение, планируемое «сверху», претерпело в первые месяцы оккупации много сложностей.

К формированию городских отрядов обком ВКП(б) приступил уже в июле 1941 года. Стремительное наступление врага не позволило их в достаточной мере обучить, вооружить и снабдить всем необходимым. Зброшенные на оккупированную территорию, ленинградцы не знали местности и людей, не имели баз снабжения и сведений о противнике и в результате оказались небоеспособными.

Партизан И. И. Крутиков вспоминал: «Пушкинский отряд был сформирован в июле 1941 г. 60 бойцов изучали оружие, тренировались в стрельбе из учебных винтовок, выделенных Осовиахимом. Когда фронт приблизился, раздобыли 3 винтовки, 4 охотничьих ружья, 2 ручных пулемета и 1 трофейный автомат. Знаменитые скороходовские ботинки спасовали перед болотами, пришлось прикручивать оторванные подошвы проволокой. Отходили к Ленинграду, по пути вырезали куски телефонного кабеля, закладывали тол и мины. Из немецкого тыла вышли 15 человек. В Ленинграде отряд был расформирован».

Отряды, сформированные в районах из местных жителей, имели преимущество в знании конкретной обстановки, но испытывали крайнюю нужду в вооружении, взрывчатке, средствах связи.

Особенно трудное положение сложилось вблизи Ленинграда, где концентрация вражеских войск была самой высокой. Более благоприятными для партизанского движения оказались юго-восточные районы области. Здесь, в полосе действий Северо-Западного фронта, уже с осени 1941 года действовали партизанские бригады численностью до 500 человек. Партизаны взрывали мосты, нарушали связь, уничтожали обозы с продовольствием и боеприпасами, нанося значительный ущерб 16-й немецкой армии.

Наибольших успехов добилась 2-я бригада под командованием Н. Г. Васильева, имевшая в своем составе много военнослужащих из окруженцев. Партизаны выбили немцев из 400 деревень, освободив южнее Старой Руссы территорию более девяти километров. «В конце ноября 1941 года, — вынужден был признать немецкий историк Эрих Гессе, — обширный район между Ловатью и железнодорожной линией Дно-Новосокольники в тылу 16-й армии был полностью занят партизанами».

Партизанский край — участок прежней жизни в кольце вражеского окружения. Здесь были восстановлены колхозы и сельсоветы, работали школы и больницы, выпускалась газета «Народный мститель», собирались деньги в фонд

обороны и продукты в помощь голодающим ленинградцам. Руководило краем командование бригадой. В марте 1942 года из деревни Нивки вышел обоз в 220 подвод с продовольствием для Ленинграда, пересек линию фронта и через Валдай—Боровичи—Тихвин прибыл в осажденный город.

Благополучному исходу этого уникального похода способствовало то обстоятельство, что немцам в то время было не до партизан. Все усилия командования группы армий «Север» направлялись на вызволение своих войск, окруженных в районе Демянска.

В январе 1942 года состоялась успешная наступление частей Северо-Западного фронта в направлении Крестцы—Зайцево, в результате которого продвижение врага к востоку было остановлено. Около 100 тысяч солдат 16-й немецкой армии оказались в кольце, получившем название «Демянский котел».

Вместе с оккупантами в «котел» попали и местные жители. В. Ф. Лалетина из деревни Стрелицы рассказывала: «Зимой немцы выгнали нас из домов, и три месяца мы скитались по лесам, страдая от голода, холода и нашей артиллерии, посылавшей снаряды в «котел». Как же им разоборать, где фашисты ярые, а где их — стрелцов — дети малые? В апреле в деревне Сорокопенно немцы посадили нас в крытые машины и погнали к Рамушеву, пробивая себе коридор для выхода из «кольца». Мы были живыми заложниками».

А в это время севернее озера Ильмень сражалась в окружении 2-я ударная армия Волховского фронта. В ходе зимнего наступления южнее Чудова она заняла район площадью 75 × 40 километров от Волхова до р. Оредеж. Но, истощив свои силы, прорвать блокаду не смогла. Беда заключалась в том, что единственный путь снабжения — четырехкилометровая дорога от деревни Кречно до Мясного Бора — то и дело перекрывался противником.

13 мая последовал приказ на вывод армии из «мешка». Одновременно Военный совет Ленинградского фронта принял решение эвакуировать вместе с армией жителей 45 деревень. По-видимому, в штабе фронта, находившегося внутри блокадного кольца, плохо представляли себе обстановку, сложившуюся в районе Мясного Бора. Ведь ширина разбитого, затопленного весенним половодьем «коридора» не превышала 300-400 метров. Противник постоянно бомбил и обстреливал его. Преодолеть его удавалось лишь единичным пешим солдатам — подносчикам продовольствия и боеприпасов. Но на что могли рассчитывать беспомощные женщины с детьми? Понятно, что они противились такой «эвакуации».

И шесть тысяч женщин, детей, стариков оказались в «котле» вместе с армией. Военные не позволяли им разводить костры («демаскируете!»), да и мешками с мукой, сброшенными с самолетов, не спешили делиться. Они ели траву и пили болотную воду, прятались в шалашах и гибли, гибли один за другим...

Л. В. Мокиева из Больших Березниц рассказывала: «От обстрелов и бомбежек погибло много солдат и деревенских. Бомбой убило Малашу, Васишу, осколком снаряда — Лену. Первое время какие-то сухарики у нас были, но скоро кончились. Ели кислицу, кору, все, что придется».

Немцы, овладев 25 июня мясноборским «котлом», застали в лесу мертвых стариков, истощенных женщин, опухших детей и белые стволы осин с объеденной корой. Фотографии, сделанные в те дни, бывший солдат 291-й немецкой дивизии Георг Гундлах назвал документами ужасов.

Ужасным был для нашей страны весь 1942 год. Пал Севастополь, и освободившуюся 11-ю армию Манштейна Гитлер направил под Ленинград для штурма города, намеченного на 14 сентября. Синявинская операция осени 42-го закончилась неудачей для наших войск. Десятки тысяч бойцов остались навечно в синявинских болотах, а селения, по которым прокатились колеса войны — Гайтолово, Тортолово, Вороново, Поречье, — исчезли с лица земли. Их жители пополнили толпы беженцев и новых узников фашистских лагерей.

Прекратил свое существование партизанский край, и деревни, составлявшие его, были дотла сожжены карателями. Ужесточились репрессии оккупантов про-

10

тив жителей, связанных с партизанами и подпольщиками. Подростков, достигших 16-летнего возраста, насильно мобилизовывали в германскую армию, облачали в немецкие шинели и использовали на подсобных работах (рытье окопов, разгрузке снарядов и т. п.) подальше от дома.

Но ход войны уже был переломлен. Заводы, эвакуированные за Урал, начали выпускать достаточное количество военной продукции, и армия уже не испытывала острого недостатка в снарядах и боевой технике.

Та же неудачная, не снявшая блокады Синявинская операция сыграла свою роль в потере немцами Сталинграда. Армия Манштейна, предназначавшаяся ранее для боев на Волге, исчерпала свои возможности под Синявином. «Желая одновременно наступать

езде, Гитлер не добился успеха нигде», — напишет позже Манштейн в своей книге «Утерянные победы».

Замахнувшись на огромную Россию, Гитлер не учел ее размеров и собственных ресурсов, которые оказались не бесконечными. Кавказский фронт, удаленный от баз снабжения на 2600 километров, уже испытывал острую нехватку продовольствия и боеприпасов, а желанная нефть по-прежнему оставалась недоступной.

18 января 1943 года войскам Волховского и Ленинградского фронтов удалось прорвать блокаду Ленинграда. Гитлеровским планам уничтожения великого города был положен конец.

Все больше эшелонов с ранеными и гробами отправлялось в Германию с перерывами, и это лучше всех листовок убеждало жителей, что освобождение не за горами. Надо только дожить до него! Но как непросто это было сделать...

Осенью 1943 года начался поголовный угон населения на запад. Потеряв надежду на захват новых территорий, оккупанты увозили к себе все захваченное в России: уголь и лес, станки и рельсы, людей и лошадей. Целыми деревнями людей загоняли в «телячьи» вагоны, наглухо запирали на все засовы и увозили в неизвестность. Не подчиниться, спрятаться? За уклонение от эвакуации вешали и расстреливали. Но, несмотря на казни, молодежь убегала в леса, уходила в партизаны. Конец 1943 года отмечен массовым притоком населения в партизанские отряды. Поддержанное снизу, это движение сделало поистине народным и оказывало реальную помощь нашим регулярным частям.

Наступил 1944 год. День за днем освобождались разоренные города и села. Они были безлюдны. Черный снег лежал на незасеянных полях, печные трубы сожженных домов одинокими часовыми возвышались над селениями. Те, кто испокон века трудился на этой земле, сажал яблони и строил дома, растил детей и нянчил внуков, были далеко отсюда. Они доили чужих коров и пахали чужую землю на хуторах Прибалтики и Германии. Их временно, как имущество напрокат, сдали батраками в хуторские хозяйства, вносившие за них плату в казну Третьего рейха.

Когда же немцев погнали и дальше на запад, они не забыли прихватить с собой и людские «трофеи». Поместив в качестве живого прикрытия на верхних палубах балтийских пароходов, их увозили на заводы Круппа и в шахты Силезии для самой черной, недостойной арийцев, работы. Их ждала беспросветная лагерная жизнь, изнурительный труд за кусок хлеба и миску баланды да плетка надсмотрщика...

«Двухъярусные нары, заплесневевшие стены, затхлый запах прелого сена в тощих матрацах, холод и тьма, — вспоминала бывшая узница берлинского лагеря Н. П. Соколова. — Я помню, как мы съезжились, попав в эту обстановку. Казалось, что съезжились и наши души...»

Все знали, что война близится к концу. Но никто из них, угнанных за тридевять земель от родного дома, не знал, удастся ли дожить до Победы и вернуться домой.

Немецкие города подвергались жестоким бомбардировкам. Под обломками военных и прочих объектов часто гибли совсем не военные люди. Советские,

английские, американские бомбы не разбирали, попадают ли они на остатки гитлеровских войск или в лагеря узников рейха. Последним приходилось уповать только на Бога.

В Германии не было для них ни храмов, ни священников. Православные изгнанники шли в лютеранские кирхи, вывешивали в укромных уголках сбереженные иконки и молились своим святым, чтобы сотворили они чудо: сберегли хотя бы детей. Далеко не всем удалось вернуться на Родину. Кто умер от голода и болезней, кто погиб под бомбами, а для кого-то Родина-мать обернулась злой мачехой. Бездетная и трудоспособная молодежь была наречена «спецконтингентом» и, невеста за какие грехи, без суда и следствия отправлена в свои, отечественные лагеря валить лес и добывать золото.

«Мы с подружкой попали на лесоповал за Петрозаводском, — рассказывала Т. Г. Лебедева. — Работали под конвоем в легких пальтишках и туфельках, мерзли, голодали и, верно, не выжили бы, когда бы не представилась возможность бежать...»

Для Ф. А. Лунева и его товарищей — подростков из Ленинградской области, мобилизованных в немецкую армию и обвиненных в измене Родине, — война закончилась только в 1955 году. Тогда, после смерти И. В. Сталина, они попали в число

амнистированных. «Хотя когда и в чем я изменил — до сих пор не ве- даю», — говорит Федор Александрович.

Все сотрудничавшие с немцами (старосты, полицейские — в Ленобласти та- ких было более 15 тысяч человек) были осуждены на 10–25 лет и отбывали свои сроки в лагерях Крайнего Севера. «В 1944 году органами НКВД по Ленинград- ской области выявлено 3317 предателей — немецких ставленников (старост, по- лицейских), а также 1159 человек неблагонадежных, проживавших на оккупи- рованной территории, вышедших из окружения, бывших в плену в Германии, замеченных в антисоветских высказываниях». (Архив ГУВД, д. 113.) А простые репатрианты и бывшие военнопленные направлялись в составе рабочих батальо- нов в спецлагеря НКВД. Было создано более 100 лагерей, в каждом из которых содержалось от 2 до 15 тысяч человек. В Ленобласти, например, был лагерь № 0137, заключенные которого восстанавливали Кировскую ГЭС, а также лаге- ря № 0323 и 0326, поставлявшие сюда лес и железобетон. Официально рабочие батальоны существовали до 1948 года, но и после переименования номерных ла- герей в стройуправления люди не имели права покидать определенное им место жительства и работы.

Неблагонадежными были признаны все, побывавшие в оккупации, а тем бо- лее — в фашистском плену. Им запрещалось проживать в 32 городах Советского Союза, учиться в вузах и занимать престижные должности.

Александре Федоровой, в 11 лет вернувшейся из концлагеря, директор од- ной из ленинградских школ сказал: «Мне ТАКИЕ не нужны!» «Такие» не были нужны нигде. Валентина Данильцева сдала вступительные экзамены в Лесотех- ническую академию на одни пятерки, но документы вернули. «С вашей анкетой (была угнана в Германию) вы можете только работать », — сказал декан.

На работу после лагеря устроиться тоже было непросто. Г. П. Федотова скры- ла, что в возрасте 5–8 лет три года провела в неволе. В 1988 году (!) обратилась в КГБ за подтверждающими документами. Оттуда позвонили на завод, где Гали- на Павловна проработала слесарем 30 лет, и с «режимного» предприятия при- шлось уйти.

Выжившие в фашистской неволе люди все долгие послевоенные десятилетия были изгоями в собственном Отечестве и предпочитали молчать о пережитом. Только теперь, на закате своего земного пути, они рассказывают, какова была на самом деле та великая, далекая война. Она научила их распознавать в людях истинные, не декларированные властью, Добро и Зло, и своими горькими вос- поминаниями они делятся с нами.

И. А. Иванова

12

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Образована 1 августа 1927 г.

Имела территорию 83 809 кв. км, водную акваторию (Ладожское и Онежское озера) — 10 067 кв. км.

Поселений городского типа — 66, сельского — 2928.

Население накануне Великой Отечественной войны составляло 1 млн 258 тыс. чел. На июнь 1941 г. в состав области входило 12 городов и 72 района.

ГОРОДА ОБЛАСТНОГО ПОДЧИНЕНИЯ (ИЮНЬ 1941 – ИЮНЬ 1944 гг.)

1. Боровичи
2. Волхов
3. Красногвардейск (с 1944 г. — Гатчина)
4. Луга
5. Новгород
6. Ораниенбаум
7. Псков
8. Сестрорецк

9. Слуцк (с 1944 г. — Павловск)

10. Старая Русса

11. Териоки (с 1944 г. — Зеленогорск)

12. Шлиссельбург (с 1944 г. — Петрокрепость)

5.07.1944 г. образована Новгородская область с городами: Новгород, Боровичи, Старая Русса. В ее состав вошли 27 районов бывшей Ленинградской области.

23.08.1944 г. образована Псковская область. В нее вошли: г. Псков и 17 районов бывшей Ленинградской области.

РАЙОНЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ИЮНЬ 1941 – ИЮНЬ 1944 гг.)

Батецкий, Белебелковский, Боровичский, Валдайский, Винницкий, Вознесенский, Болотовский, Демянский, Дрегельский, Залучский, Крестецкий, Лычковский, Любытинский, Маловишерский, Молотвицкий, Мошенский, Мстинский, Новгородский, Окуловский, Опочецкий, Питовский, Поддорский, Полавский, Солецкий, Старорусский, Уторгощский, Хвойницкий, Чудовский, Шимский (5.07.1944 г. данные районы отошли к Новгородской области);

Гдовский, Дедовичский, Дновский, Карамышевский, Лядский, Новосельский, Островский, Палкинский, Плюсский, Пожревицкий, Полновский, Порховский, Псковский, Серёдкинский, Славковский, Сошихинский, Струго-Красненский (23.08.1944 г. данные районы отошли к Псковской области). Красносельский р-н

Красногвардейский р-н (с 1944 г. — Гатчинский)

Кингисеппский

Мгинский (с 1961 г. — Кировский)

Волосовский

Киришский

Лужский

Оредежский

Сланцевский (с марта 1941 г. в него входил и Гдовский р-н)

Тосненский

Осьминский (с 1961 г. входит в Лужский район)

Кексгольмский (с 1944 г. — Приозерский)

Материалы сборника представлены согласно довоенному административному делению в последовательности оккупации районов германскими войсками.

13

Из акта комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1944 г.) по Ленинградской области

Расстреляно 6265 чел. • Повешено 876 чел. • Умерло после пыток 23

899 чел. • Погибло в/пленных 142 953 чел. •

Угнано в рабство 253 230 чел. • В области было 35 концлагерей

Сроки оккупации городов и поселков области*

1	г. Остров	6.07.1941 г.	21.07.1944 г.
2	г. Псков	9.07.1941 г.	23.07.1944 г.
3	г. Порхов	10.07.1941 г.	26.02.1944 г.

4	г. Сланцы	19.07.1941 г.	2.02.1944 г.
5	г. Старая Русса	9.08.1941 г.	18.02.1944 г.
6	г. Волосово	12.08.1941 г.	27.01.1944 г.
7	г. Кингисепп	16.08.1941 г.	1.02.1944 г.
8	г. Новгород	19.08.1941 г.	20.01.1944 г.
9	пос. Оредеж	19.08.1941 г.	8.02.1944 г.
10	г. Чудово	20.08.1941 г.	29.01.1944 г.
11	г. Луга	24.08.1941 г.	12.02.1944 г.
12	г. Любань	25.08.1941 г.	28.01.1944 г.
13	г. Слуцк (с 1944 г. — Павловск)	17.09.1941 г.	24.01.1944 г.
14	г. Тосно	28.08.1941 г.	26.01.1944 г.
15	пос. Саблино	28.08.1941 г.	27.01.1944 г.
16	г. Кириши	29.08.1941 г.	4.10.1943 г.
17	пос. Ям-Ижора	30.08.1941 г.	2.08.1942 г.
18	пос. Мга	30.08.1941 г.	21.01.1944 г.
19	г. Выборг	30.08.1941 г.	20.06.1944 г.
20	г. Териоки (с 1944 г. — г. Зеленогоск)	31.08.1941 г.	10.06.1944 г.
21	Городок (с 1944 г. — г. Кировск)	7.09.1941 г.	27.01.1943 г.
22	с. Синявино	7.09.1941 г.	15.09.1943 г.
23	г. Шлиссельбург (с 1944 г. — г. Петрокрепость)	8.09.1941 г.	18.01.1943 г.
24	г. Красное Село	12.09.1941 г.	19.01.1944 г.
25	г. Красногвардейск (с 1944 г. — г. Гатчина)	13.09.1941 г.	26.01.1944 г.
26	пос. Ропша	15.09.1941 г.	19.01.1944 г.
27	г. Урицк (пос. Лигово)	16.09.1941 г.	20.01.1944 г.
28	пос. Володарский	16.09.1941 г.	20.01.1944 г.
29	г. Пушкин	17.09.1941 г.	24.01.1944 г.
30	пос. Стрельна	21.09.1941 г.	20.01.1944 г.
31	г. Петергоф (Петродворец)	22.09.1941 г.	20.01.1944 г.
32	пос. Большая Вишера	22.10.1941 г.	16.11.1941 г.
33	г. Малая Вишера	23.10.1941 г.	20.01.1941 г.
34	пос. Будогощь	23.10.1941 г.	19.12.1941 г.
35	г. Тихвин	8.11.1941 г.	9.12.1941 г.

* Местожительство авторов указано на момент оккупации городов и поселков Ленинградской области.

С. Х. ПАВЛОВ,
полковник в отставке,
в 1941 году — лейтенант, командир батареи
539-го гаубичного артиллерийского полка

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА...

Родился я в деревне Ицепино Кингисеппского района Ленинградской области. В школу ходил за 11 километров в пос. Сашино, где оставался на целую неделю. В 14-летнем возрасте приехал в Ленинград, работал на Канонерском судоремонтном заводе.

В 1932 году по комсомольскому призыву ушел в Красную Армию, стал артиллеристом. В 1939-м мне было присвоено звание лейтенанта. Участвовал в финской войне в качестве командира взвода артиллерийской разведки.

После войны наш полк располагался в г. Раквере Эстонской ССР. В апреле 41-го года мы выехали в лагерь в район ст. Йыхви.

20 июня получили неожиданный приказ передислоцироваться в Литву. Началась погрузка в эшелон. Наш дивизион был на конной тяге. Мы грузили в вагоны коновязи, кормушки для лошадей, бревна, доски и т. п.

Эшелон шел через Раквере, где в ночь на 22 июня сделал короткую остановку. На станции нас ждали жены. Среди них была и моя Наташа. Она рассказала, что в городе ходят слухи о близком начале войны, и местные эстонцы стали очень плохо относиться к русским, отказываясь продавать продукты.

Мы с Наташей ходили по темному перрону, она плакала. Я старался ее успокоить, а сам еле сдерживал слезы. Я тоже думал, что будет война и очень переживал за Наташу и нашу маленькую дочурку. Наташа так молода, не имеет жизненного опыта, как она будет без меня? Что их ожидает? Впереди была неизвестность. Мы не могли даже обменяться адресами, поскольку их не знали...

Подали команду: «По ваго-о-о-нам!»

Я крепко прижал к себе Наташу, на ходу крикнул: «Поцелуй за меня Валюшку!» — и прыгнул в вагон. Эшелон тронулся. На перроне остались наши плачущие жены.

Спустя три часа, на рассвете, начался налет немецкой авиации. Появились первые раненые и убитые — люди и лошади. После бомбежки мы выбросили из вагонов коновязи и стройматериалы, всему личному составу раздали боеприпасы. Только теперь мы поняли, куда и зачем следуем.

К назначенному сроку наш дивизион прибыл в район Шауляя. Разгружались на ст. Радвилишки. Так сложилось, что дивизион оказался в отрыве от остальных частей полка и дивизии, не имея никакой связи со штабами. Мы самостоя-

тельно поддерживали огнем отходящие подразделения пограничников. Сведений о нас не было ни в полку, ни в дивизии. Ничего не знали и наши семьи.

Много позже я узнал, что на 12-й день войны в Раквере был подан эшелон и семьи удалось вывезти. В пути состав неоднократно бомбили, были жертвы.

Страшную картину увидели наши жены на ст. Нарва. Впереди идущий эшелон подвергся массивной бомбежке. На путях лежали окровавленные трупы женщин и детей, разбитые вагоны, кругом — искореженные рельсы, воронки...

Мои прибыли в Лугу, но вскоре пришлось покинуть и ее. Война добралась и сюда. Наташа с Валею примкнули к многочисленной толпе беженцев. Пешком и различным

попутным транспортом, с большими трудностями и мытарствами, подвергаясь бомбежкам и обстрелам, они все же вырвались из зоны военных действий и попали в село Кинель Куйбышевской области. Почему туда — На- таша и сама не знала. Здесь не было ни родственников, ни знакомых. Моя семья оказалась в положении нищих. Почтовую связь с Наташей мне удалось уста- новить только в ноябре 1941 года через родных, оставшихся в заблокированном Ленинграде.

А мы с боями отступали... В сентябре вели бои уже юго-западнее Петергофа в районе деревень Марьино, Ольгино, Троицкое. Я своей батареей поддерживал батальон 320-го стрелкового полка. С рассвета дотемна полк отражал атаки не- мецко-фашистских войск. Противник не жалел снарядов, авиация его свиреп- ствовала, а у нас не хватало боеприпасов, и мы несли очень большие потери как среди личного состава, так и конского. 122-миллиметровую гаубицу часто тащи- ли вместо шести лошадей четыре, а то и две. Были вынуждены брать лошадей у населения, оставляя им расписки и своих раненых лошадей.

Самое страшное, самое горькое для солдата любого ранга — это отступление. Когда мы отходили через населенные пункты, по обе стороны дороги стояли наши советские люди — старики, женщины, дети. Они с грустью и упреком смотрели на нас. А мы, молодые, хотя и измученные, и подчас голодные, но с оружием, вынуждены были отходить, оставляя их злейшему врагу. Было му- чительно стыдно смотреть этим людям в глаза.

Я твердо верил, что мы вернемся и освободим наших людей, нашу землю от оккупантов, что Победа непременно будет за нами, но не думал, что для этого придется воевать долгих четыре года.

Я прошел Великую Отечественную войну с самого начала до Дня Победы. Храню в своей памяти множество боевых эпизодов и ситуаций, но картина по- кидаемых нами мирных жителей на обочинах дорог стоит перед глазами до сих пор и не оставляет меня во сне...

ПОРХОВСКИЙ РАЙОН

А. П. АБРОСИМОВА (ШЕЛУХИНА),

ПЕЧАЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Мне было 10 лет, когда началась война. Мы с братом жили без матери, с отцом в г. Порхове. Папу взять в армию не успели: почти сразу наш город оказался на линии фронта. Начались бомбежки и обстрелы. Над головами летели снаряды и осколки. Было очень страшно. Жители переселились в насех вырытые окопы.

На 8-й или 10-й день с начала войны в город вошли немцы. Взорвался кинотеатр. Жителей собрали на площади, пытались выявить виновников. Начались аресты коммунистов и комсомольцев. Появились виселицы и первые повешенные. По улицам брели под конвоем колонны пленных красноармейцев — оборванных, голодных, раненых. Некоторые падали и умирали прямо на дороге.

Всех мужчин, в том числе и нашего отца вместе с нами, согнали в концлагерь, устроенный в военном городке. Потом погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию.

Не знаю, в какой город привезли, но жили мы в деревянных бараках за колючей проволокой. Разметили всех цветными бирками и велели собрать свои вещи — кто сколько сможет унести.

А. П. Абросимова

(Шелухина)

Остальные сожгли в костре. Затем построили рядами посемейно перед бауэрами, набравшими себе работников.

Нас выбрал некто Паппер, имевший большое хозяйство: 70 голов рогатого скота, сотню свиней, огромный курятник и много гектаров земли, обрабатываемой тракторами.

Началась изматывающая работа по 16 часов в сутки. Делать приходилось все: черную работу на кухне, в поле и на сенокосе, ухаживать за свиньями и телятами, доить коров.

Помню случай, когда взрослые и брат уехали на тракторе в город Фленсбург. Вечерняя обрядня легла на меня. Надо было вручную накачать воды на всех рогатых, натаскать сена, накормить свиней и подоить четырех коров. Я так устала, что на последнюю корову у меня уже не хватило сил. Бауэрша на меня наорала, а когда из города вернулся хозяин, рассказала ему. Он дико кричал и несколько раз больно ущипнул за руку. Потом ушел в дом, я решила, что за оружием, чтобы убить меня. Спряталась в подвал и долго там сидела, но он больше не вышел.

В другой раз я должна была отправиться в поле на дойку в пять утра, но отец пожалел меня так ранобудить. Тогда явился хозяин и снова кричал, приказывая немедленно сесть на велосипед и ехать в поле.

Подоив коров и прицепив к велосипеду два больших бидона с молоком, я пустилась в обратный путь. Каталась я еще плохо, зацепилась бидоном за куст, упала и пролила молоко. Думала, что опять накажут, но война уже подходила к концу, и все обошлось.

В хозяйстве работали и наши военнопленные. Мы жили с ними очень дружно. Один из них, Аркадий, в свободное время заходил к нам. Он всегда нас утешал, говорил, что война скоро кончится и мы вернемся домой. Аркадий рассказал своей хозяйке, что мне очень тяжело живется. Фрау Нильзен поговорила с Паппером, и я перешла к ней. Конечно, тоже работала с утра до вечера, но отношение было совсем иное, новая хозяйка оказалась доброй женщиной.

Увидев, что я совсем плохо одета (все мало, и на ногах только деревянные колодки), она дала мне кое-что из одежды, рубашку и поношенные туфли. Но прожила я у нее недолго.

Вскоре через деревню прошли американские танки. За мной приехали папа с братом, и мы отправились на аэродром Эггбек. Оттуда нас повезли в другой населенный пункт, и перевозили с места на место еще не раз. В августе 45-го мы вернулись в сожженный Порхов.

Окаймленный горестною тенью,
Видит мир, от ярости дрожа,
Как с пальбой врываются в селенья
Рыцари отмычки и ножа. Трупов
исковерканные груды, Города,
спаленные дотла... Всюду кровь
горячая, и всюду Ржавый след
насилия и зла.
Враг ведет на смерть перед собою
Наших братьев, девушек, детей, И
померкло небо голубое
От проклятых дьявольских затей.
Кровью набухающее море
Кажется суровым и седым, Вдовьих
слез, насилия и горя Никогда врагу
мы не простим.
Близок день, когда в глубокой бездне, Не
оставив грязного следа,
Свастика проклятая исчезнет
И земля воскликнет: навсегда!

*Ю. ИНГЕ,
4.08.1941, Таллин*

Е. В. АНАНЬЕВА (КОВАЛЕВСКАЯ),
1935 г.р., жительница д. Я годно

НАШЕСТВИЕ НА ЖИЗНЬ*

В апреле 1941 года меня, пятилетнюю, отправили на лето с няней Матреной Ивановной, как обычно, на ее родину в псковскую деревню Я годно, где жила ее младшая сестра Наталья Ивановна с тремя детьми: Петей, Колей и Машей. Там, за Лугой, и застала нас война. Когда родителям стало ясно, что немцев у Пскова не остановят, мама поехала за нами. Подводой мы добрались до станции Струги Красные, но на Ленинград поезда уже не шли. Мы вернулись в деревню. Старший сын тети Наташи, Петя, ушел на войну.

Немцы объявились скоро. В нашей лесной маленькой деревне они не стояли, являлись с облавами. Отбирали продукты, скот, ловили шестами с веревками кур. Стало так: мы — женщины, дети, старики — свои и немцы — чужие, с автоматами — враги. Захотят, сядут на завалинку избы, поиграют на губной гармошке; захотят, хохоча пострасцают, прицеливаясь, а то и выстрелят или уведут насовсем. Перед немцами старались не проявляться — может, не останутся взгляд.

В семье очень скоро осознали, что до весны нам вшестером не прокормиться и впроголодь. Было решено: маме со мной пойти по миру; я у мамы одна, мы городские, нас приютят.

В дальних от большака деревнях успели кое-что спрятать в лесных ямах. С нами делились и едой, и одеждой. Но везде голод, и подолгу мы нигде не жили. Какая была работа, мама брала на себя. Шила-перешивала из старого новое. Однажды довелось шить тулупы на руках. Нам дали зерна и маленькую новорожденную козочку. Тогда мы отправились в свою деревню.

Козочка стала моим дружкой. Мы даже спали с нею в обнимку на сене на полу. Махонькая, она всюду бегала со мною рядышком.

Была еще зима, но солнце уже растапливало прогалины. Случилось, тетя Наташа, мама и я за чем-то вышли из деревни на дорогу. Вдруг из-за леса вылетел и полетел над дорогой низко-низко небольшой самолет. Мы забежали под единственное на обочине деревце. Самолет пролетел мимо нас над деревней и быстро вернулся, все снижаясь. Вдруг моя козочка выскочила на дорогу и стала что-то щипать в прогалине. Самолет — почти над нами. Тетя Наташа и мама молятся. Я вижу летчика, он смеется. Бухаюсь на колени (мама держит меня за руку) и, плача, молюсь: «Царица Небесная, Матерь Божия, спаси мою козочку». Немец не выстрелил; набрав высоту, самолет скрылся. После в деревне подшучивали, как девочка Женя молилась Богу, и женщины, услышав «Царица Небесная, Матерь Божия, спаси», думали, что я молюсь за нас, и у них появилась надежда на молитву ребенка.

* Текст дается в авторской редакции.

Всю войну мы жили в неведении: что где происходит, не знали. Не было ни радио, ни электричества, ни писем. Немцы не победили. Это мы

понимали по их поведению. Мы жили, семьи, на своей земле. Немцы — не жили; они — войска, они вешали в назидание, грабили, страшали и злодействовали. Старших детей от них прятали: девочек — от насилия, мальчиков — от расстрела как возможных партизан. И все это было.

Было и такое. Мотоциклисты внезапно подъехали к избе. Коля, 13-ти лет, не имея времени убежать в лес, юркнул под жерди, еще до войны вдоль избы сложенные для просушки на подпорках.

Е. В. Ананьева (Ковалевская)
с матерью и няней. Новгород, 1945 г.

Обыскав избу, хлев, сарай, немцы сели на жерди, закурили. Меня мама отвела подальше, чтобы не выдала глазами. Тетя Наташа все звала их в избу. Но они так и сидели, покачиваясь на жердях, сидели и докурив: день-то был солнечный. Колю не обнаружили.

А на Пасху ранним утром в деревню въехал танк. Немцы с канистрами подбегали к избам, обливали стены бензином, поджигали. Люди выскакивали, что-то успевали вынести. Из соседней избы не вышли старики, за них просили, но немцы подперли дверь колом.

Скот собирали в стадо. Ко мне подошел немец с автоматом и отогнал козочку. Рядом была копанка, еще подо льдом. Козочка отпрыгнула на лед. Немец — за ней. Изгибаясь, пытался ее схватить, но кроха проскакивала между сапогами и устремлялась ко мне, на голос. И немец, и козочка падали, скользя. «Швейн, швейн», — кричал немец, размахивая автоматом. Мама зажимала мне рот. Я редела горючими слезами. Лед был уже некрепкий. Боялись, что немец провалится или просто, разозлившись, начнет стрелять. Но он отступился, ушел.

Когда подожгли все избы, нас толпой направили по дороге; козочку забрали, больше я ее не видела. Впереди гнали скот; за ним ехал танк; немцы сидели на танке с автоматами наперевес; за танком шли мы. Так двигались до речки. Мост был разобран. Танк остановился. Скот погнали вброд. Нам приказали идти обратно. А мы стояли, не шелохнувшись. Мы боялись, что в спины начнут стрелять. Немцы развернули дуло танка в нашу сторону, выстрелили над головами. Кричали: «Шнель, шнель!!» и хохотали. Мы пошли, сперва пятясь. Поворачивались и шли. Лязгнули гусеницы танка, ...пошел, ...звук удаляется, ...не стреляют.

Если меня спросят, что такое война, я расскажу, что почувствовала, когда мы вошли туда, где только что стояла деревня. На месте изб — черные прямоугольники с огненными языками; запах сгоревшего дерева, зерна, шерсти. Жар. Каждый встал около своего: только что было все, остался лишь запах уничтоженного. И стон... Жить как? Запах — память. Запах войны.

Начиналась весна 1942 года.

Разбрелись в лес порознь, семьями: так прятались. Сперва спали на земле под натянутой меж стволами простыней. Потом вырыли яму, перекрыли ее деревьями, ветками, накрыли дерном. Две стены сделали с уступами — это лежанки с лапником. С нами жил очень старенький одинокий дедушка; он плел лапти.

20

Костер разжигали маленький, чтобы дым не поднимался над лесом. Голод и теснота. И мы с мамой опять пошли по миру, теперь по окопам.

Однажды, слякотной осенью, пришли в еще не сожженную деревню Прит. Избы стояли вдоль дороги, шедшей по высокому берегу реки. За рекой — ши- рокая пойма, поле, дальше лес. К задворкам деревни, к огородам, лес подходил вплотную. В крайней избе нас приютили. Там жили тетя Таня с маленьким сы- ном. Муж ее, дядя Костя, был в партизанах; изредка он наведывался.

В лесу за рекой были вырыты окопы, настоящие, с деревянными стенами, по- лом и полатами; были стол, табуретки и даже одеяла и подушки.

Однажды ночью, только вошел в избу дядя Костя, как всегда, с ружьем, по- слышался за поворотом дороги мотоциклетный стрекот. Нас, детей, мамы бы- стро перевели через дорогу и велели идти в окопы. В этот момент сверкнул свет фар и лег вдоль дороги. Мы юркнули за стожок. Мамы не успели добежать до избы, немцы уже спрыгивали с мотоцикла. наших мам поставили к изгороди, один немец навел автомат, другой вбежал в избу. Раздался выстрел. Мы зареве- ли: мы уже видели расстрелы. Шли в окопы и ревели. И в окопе ревели. Откры- лась дверь — и вошли наши мамы, в слезах, как и мы. Они оплакивали дядю Костю: когда раздался выстрел — и сразу крик: «Партизан!», немец бросился от них в избу, не успев выстрелить. В стороне огорода прострочили автоматные очереди. Теперь мы плакали вчетвером. Вдруг открылась дверь — и вошел дядя Костя, черный, весь в грязи. Он сказал: «Живы!». И мы плакали все от радости. Дядя Костя сказал, что когда увидел, как женщин ставят к изгороди, подбежал к окну, разбил его с треском, выпрыгнул в огород и выстрелил. Немцы — за ним, бьют из автоматов. До леса и в темноте не добежать, и он упал ничком в борозду. Подбежали немцы, перевернули его сапогом и быстро ушли. «Бог спас», — сказал дядя Костя. Та радость была со слезами ужаса пережитого.

Скоро в деревню постоем пришли немцы. В нашу крайнюю, у самого леса, избу не встали. Но маму, грамотную, обязали работать в комендатуре. Тогда ночью мы ушли.

У нас с мамой ничего не было. Зимой теплой одежды не было. То, что было на нас, в заплатках. На ногах — чуни, а то и лапти; летом — босиком. Не помню, чтобы простужалась. Короста была. Меня мазали дегтем и вертели перед пыла- ющим жаром, все подталкивая к огню.

Самым тяжким для меня было — неизбежная без вины виноватость. В дет- ских провинностях обвиняли меня хозяйские дети, взглядами. Не наказывали: не в чем тогда было провиниться всерьез, да и наказывать было нечего: кости да кожа. Но заступиться за меня было невозможно из боязни, что нас прого- нят. С горя я убегала прятаться в куст, плакала и в голос молилась, чтобы мне умереть. Такую мама меня нашла — услышала. Мамины объяснения ничего не меняли, я и сама все понимала. Только боль — нестерпимая: от своих, капля сверху, лишняя.

Случилось нам оказаться в окопе, вырытом на пепелище. Не знаю, что-то тя- нуло людей вернуться в свои «деревни». Эта была в нескольких километрах от большака. Дорога в деревню от леса шла лугом, еще вдали спускаясь с пригор- ка, — и слышно, и видно. Дорогу караулили мальчики. Облавы бывали часто, рано утром. На крик мальчиков: «Немцы!» — все бросались на другую сторону «деревни», в болото. Немцы тоже бежали, спускали собак, строчили из автома- тов. Я боялась за маму, она ведь больше меня. И я кричала ей, бегущей за мной: «Мамочка, ниже, быстрее, быстрее». Все успевали забежать подальше и рас-

пластаться за кочками. Овчарки кружили у края; видно, не брали след. Немцы в болото не лезли, только обстреливали.

Только сейчас, написав эти строки, я поняла, что мама закрывала меня собою. Что мы ели в окопные годы? Помню только траву. Особенно вкусной была лебеда, но на второй окопный год ее находили редко. Не выращивали ничего: нечего было сажать, да и грядки выдали бы нас. В лесу живности не было; речка маленькая, без рыбы. Ели то, что росло в поле, в лесу. И зимой кору ели.

Случилось, мама утром не смогла встать, не было сил. Я помчалась на болото, даже не спросив. Была поздняя осень, я насобирала только горсть уже усыхающей гоноболи (так на Псковщине называют голубику). Мама сразу всю съела. Но почти сразу ей стало хуже. Руки совсем обессилили, затуманилась голова, мама молчала. И я пошла за хозяйкой. Узнав про гоноболь, она сказала: «Гоноболь — пьяная ягода. Пройдет». И правда, немного погодя, мама улыбнулась мне. Отлежалась мама.

Как-то в лесу мы с мамой набрели на строение у перекрестка дорог. Строение походило на сарай: без окон, одно большое помещение, но пол был высокий, и было крыльцо. Народу в нем жило много. Спали вповалку на сене.

Однажды зимой, уже к ночи, на дороге появились немцы: шли и шли, бы-стро, не остановились. Не успели мы опомниться, не то что заснуть, как в дверь постучали. Стоит в белом маскхалате, с красной звездочкой на шапке, военный. Спрашивает, куда прошли немцы. Все молчат. Пришедший уверяет, что наш, на звездочку показывает. Все молчат. Увидев маму, спросил:

— В Ленинграде жили?

— Да, — ответила мама.

— Помните, на углу Екатерининского канала и Невского Казанский собор, напротив «Дом Зингера», а дальше Итальянский мостик?

— А «Спас на крови», Михайловский сад, павильон Росси?

— Помните, помните?

Они уже в два голоса спрашивали. Глаза в глаза. И мама показала рукой. Военный сбегал с крыльца, вскочил на коня, и ждавший на дороге отряд помчался, очень большой, в конце его — волокуши.

Те немцы, перед нашим отрядом, были последними вояками, которых я видела. Позже были пленные: неприятные, но не опасные.

После того события мы пошли в свою деревню. Вскоре приехал на полutorке папа. А в апреле, выхлопотав пропуска в Ленинград, привез нас всех троих домой. Шел 1944 год.

Почти три года изо дня в день — перед лицом смерти, с замершей душой. Но среди жизни без унижения себя перед силой нашествия, просто жизни с чистой верой и терпением, жизни на своей, родной земле и с жалением людей.

Оказалось, я обрела тогда эту любовь. Ягодно, его люди — и моя родина. P. S. Мы с мамой никогда, ни разу, не говорили о тех годах.

Из акта комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков*

Струго-Красненский район

Д. М. Павлицы сожжена в феврале 1944 г.

В д. Подеста в феврале 1944 г. в доме сожжены около 300 жителей. В д. Горка брошен в огонь мужчина.

* ЦГА СПб. и Ленинградской области, ф. 942, оп. 1, д. 180.